

Проекты государственных преобразований в движении монархистов-легитимистов в эмиграции (1920-е годы)

В статье рассматриваются проекты реставрации монархии в России, которые сформировались в движении монархистов-легитимистов в эмиграции. Представлен анализ проектов А.Г. Тимрота, П.Н. Крупенского, графа В.А. Бобринского. Сделан вывод, что аграрный проект легитимистского движения был самым либеральным по сравнению с проектами других монархических организаций.

Ключевые слова: монархическая эмиграция, движение легитимистов, проекты реставрации монархии в России, великий князь Кирилл Владимирович.

Проекты социального и государственного устройства, создаваемые внутри страны или в эмиграции, могут иметь существенное значение как в рамках анализа причин их нереализованности, так и с точки зрения современности – актуальности данных идей и перспективы их воплощения в жизнь. Особую значимость приобретают проекты политических фигур, которые некогда принадлежали к политической элите государства или претендовали на верховную власть.

В связи с этим актуальными представляются проекты, которые были формально одобрены двоюродным братом последнего императора Николая II – великим князем Кириллом Владимировичем. В 1922 г., находясь в эмиграции в Германии, он объявил себя «Блюстителем престола», а в 1924 г. – «Государем Императором в изгнании». Вплоть до своей смерти в 1938 г. он не прекращал борьбу за права на престол. Вместе с супругой, великой княгиней Викторией Федоровной, ему удалось основать эмигрантское

движение легитимистов, которое отстаивало его права на престол в среде беженцев. Легитимистам удалось объединить вокруг себя часть высшей бюрократии бывшей Российской империи. Одной из форм работы с эмиграцией у легитимистов явилось обобщение проектов реставрации монархической власти в России. Наиболее продуктивными в этом направлении деятельности стали 1920-е годы.

Великий князь Кирилл Владимирович своей задачей видел формирование идеологии будущей монархии: «Я тружусь ради спасения нашей родины... Эту задачу нельзя выполнить, не создав новый свод национальных идеалов, которые несли бы в себе как способность предотвратить кровавый потоп, так и притягивающую силу для всех созидательных сил нашей страны... Моя задача состоит в том, чтобы прервать невнятные стоны лишенного сейчас гражданских прав большинства русского народа...»¹.

В ноябре 1924 г. в Ницце под председательством «семейного юриста» великого князя Андрея Владимировича (закончил Александровскую военно-юридическую академию, генерал-майор свиты Е.И.В., сенатор, в 1915–1917 гг. – командующий л.-гв. конной артиллерией) было сформировано «Совещание по вопросам об устройении Императорской России» (Государево совещание). В первый состав Совещания вошли: доктор медицины, профессор Г.Ф. Цейдлер; граф полковник И.И. Воронцов-Дашков; А.А. Башмаков; В.Н. Крестьянинов; камергер П.С. Толстой-Милославский; сенатор Д.Н. Любимов; начальник Канцелярии Николая II генерал-лейтенант А.А. Мосолов; князь С.А. Щербатов; шталмейстер и посол в Болгарии А.А. Савинский; директор Департамента полиции в 1905–1906 гг. сенатор Э.И. Вуич; гофмейстер и статс-секретарь Государственного совета М.Н. Головин; помощник Управляющего делами Совета министров А.Н. Яхонтов; товарищ управляющего делами Крестьянского поземельного банка П.Н. Яхонтов; сенатор А.Г. Тимрот; товарищ управляющего Дворянским поземельным банком М.И. Горемыкин; директор I (Европейского) департамента МИД князь Л.В. Урусов; командующий Румынским фронтом генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев; генерал-лейтенант М.Н. Тихменев; камергер А.А. Куломзин².

Характер деятельности Совещания во многом определялся личностью ее председателя – великого князя Андрея Владимировича. В изданных в СССР мемуарах Л.Д. Любимов писал о нем: «Андрей Владимирович проявлял, пожалуй, меньше всего суеты, все свои досуги посвящая изучению отечественной истории. <...> О старине он говорил со знанием дела, о современности – спокойно, без злобы»³.

Умеренно-консервативный чиновничий состав членов Совещания закономерно определил их интерес к эпохе либеральных реформ императора Александра I. В качестве возможного образца великий князь Андрей Владимирович представил в Совещание выписку о проекте государственных реформ М.М. Сперанского 1809 г.

В то же время члены Совещания не игнорировали изменения, произошедшие за эти годы в СССР. Совещание отклонило идею узкой реставрации дореволюционных порядков, но также отрицало и европейские формы развития: «...в грядущем государственном строительстве не может быть места узко-консервативным стремлениям... отпадает мысль об абсолютизме и парламентаризме в западно-европейских формах... Если абсолютизм не допускает внутренней политической борьбы, то парламентаризм только на ней и зиждется... наш русский опыт не дает более утешительных наблюдений, ибо Государственная Дума... обнаружила, что самодовлеющее выборное учреждение устремляется к противопоставлению себя Верховной Власти...»⁴.

Традиционное для русских монархистов в эмиграции недоверие к деятельности дореволюционной Государственной думы заставило членов Совещания вырабатывать новые формы взаимодействия выборных учреждений и царской власти. Этим стремлением можно объяснить активное продвижение в организации младороссов А.Л. Казем-Бека в конце 1920-х годов наиболее спорного лозунга легитимистского движения: «Царь и Советы», однако идеологему начали разрабатывать представители поколения «отцов».

Чиновно-аристократическое Совещание при его оценке заняло двоякую позицию. Формально оно признало правомерность существования данного тезиса: «Особое Присутствие склоняется к заключению о желательности попытки использовать советскую систему...»⁵. Однако признание советской системы не означало принятия эсеро-меньшевистского понимания советской власти: «...такому предположению не отвечает распространенный ныне клич – “советы без коммунистов”...»⁶. По мнению членов Совещания, само понятие «социалистический совет» было навеки связано в сознании русского народа с произволом большевистской власти.

Признавалась возможность привлечения представителей советов в исполнительную власть: «...в среде Всероссийского Совета... Император Всероссийский будет находить и черпать живые, от самой Земли идущие действенные силы для пополнения ими рядов исполнительной власти»⁷. Выборы в местные органы самоуправления предусматривали сложную систему цензов, которая не

имела аналогов в Российской империи, – «производство выборов в первоначальных сельских и равнозначных им городских ячейках не по всеобщему голосованию, а групповому, сообразно с распределением социальных, профессиональных, экономических и прочих интересов»⁸. При этом принципы развития низовых органов самоуправления стремились искусственно увязать с традициями политики последнего царствования. Признавалось необходимым «дальнейшее развитие принципов самоуправления всесословной волостной ячейки, насаждение которого получило одобрение в Бозе почившего Императора Николая II»⁹.

Позиция Совещания в национальном вопросе по жесткости подхода к борьбе с сепаратизмом в России была радикальнее, чем у многих монархических организаций. Руководители полагали, что при воссоздании монархической государственности после периода советского федерализма силовое разрешение представлялось единственно возможным. Члены Совещания отмечали, что перед лицом трудностей по воссоединению государства на старых имперских основах правительство будет вынуждено использовать суровые меры – «вплоть до необходимости прибегать к управлению путем военных оккупаций»¹⁰.

Члены Совещания практически не уделили внимания социальным вопросам. Единственным ответом на «низовую» запрос стало решение от июля 1927 г. об отмене в будущей монархической России сословных привилегий и ограничений¹¹.

В том же 1927 году в «Оповещении Канцелярии Е.И.В.» практически одновременно были опубликованы два проекта реформирования будущей монархической России. Автором первого проекта явился член Совещания сенатор А.Г. Тимрот (статс-секретарь Государственного совета), второго – П.Н. Крупенский (предводитель Хотинского уездного дворянства Бессарабской губернии, депутат III и IV Государственных дум, лидер фракции националистов).

Проект сенатора А.Г. Тимрота развивал основные идеи Совещания, придавая им более конкретный и законченный вид. Серьезной критике подверглась дореволюционная система назначений чиновников: «...при строго проведенной системе назначения... власть мало-помалу становится чуждой населению...»¹².

Подданным гарантировались определенные права на участие в политической жизни страны: «...в будущей императорской России народному представительству не только отводится роль в законодательстве, но и участие в формировании исполнительной власти на местах путем выбора кандидатов на должности волостных старшин, уездных начальников, губернаторов и даже генерал-губернаторов»¹³.

В то же время на права высшего законодательного органа России предполагалось наложить жесткие ограничения: «...сделать Всероссийский Совет исключительно законодательным органом, ограничить его участие в управлении только правом надзора»¹⁴. Подробно была разработана выборная система на местах: уездные советы должны были избирать волостных старшин, губернские советы – уездных начальников, областные советы – губернаторов и генерал-губернаторов¹⁵. Однако окончательное право выборов должностных лиц принадлежало бы советам высшей категории¹⁶. Низовые советы представляли трех кандидатов на утверждение высших советов¹⁷. При внешней «демократичности» данной системы совет высшей категории мог остановить свой выбор на кандидате от меньшинства низовых советов. Право участия в выборах обуславливалось наличием уровня образовательного ценза и служебного стажа¹⁸. Должностные лица по управлению назначались¹⁹. Безусловным нововведением можно считать определение куриальной системы выборов. Членство в курии связывалось не с сословным положением, как в дореволюционной России, а с профессиональной принадлежностью²⁰, что соответствовало политической практике 1920-х годов при авторитарном режиме Муссолини в Италии.

Проект сенатора А.Г. Тимрота в национальном вопросе связывал единство государства с конструкцией высших органов государственной власти. Император должен был выступить объединяющей фигурой для народов России: «...единая Верховная Власть Государя Императора явится не только символом, но и наиболее твердым устоем и оплотом государственного единства»²¹. Принципиальным новаторством был взгляд и на представительные учреждения как на объединяющую силу государства, делегирование полномочий депутатам символизировало признание государственного единства: «Всероссийский Совет, являясь выразителем общего мнения, будет связывать народы и местности в одно неразрывное целое»²². В соответствии с федералистскими теориями в проекте сенатора А.Г. Тимрота была предпринята попытка разграничения полномочий центра и регионов. К неоспоримым правам центра относились императорская армия и флот, управление финансами, государственными регалиями и монополиями, почтами, телеграфами, путями сообщения и политической полицией. Признавалась необходимость сохранения единства денежной системы и единого русского государственного языка²³. При четко установленной системе распределения полномочий предполагалось создание мощной системы надзорных учреждений на местах, подчиненных непосредственно императору: «...полезно будет иметь на местах особые органы общегосударствен-

ного надзора... Во главе областного надзора может быть поставлено лицо, облаченное доверием Государя Императора... Наиболее подходящими были бы военные чины...»²⁴.

Проект П.Н. Крупенского по своим программным установкам был менее связан с общими воззрениями легитимистского движения, носил бюрократический, но при этом и более определенный характер. В качестве первого этапа при переходе к монархии предлагалась диктатура, в период которой места для народного представительства, естественно, не находилось: «Диктатор, подчиненный единственно воле Монарха, назначает и сменяет всех степеней подчиненных ему представителей...»²⁵. Законодательная практика определялась по основным законам Российской империи периода правления императора Александра III: «Во главе Государства Российского стоит единственно мыслимая, разумная власть, беспартийная и надклассовая, — это Монархическая... ограниченная только основными законами издания 1893 г.»²⁶. Переход от диктатуры к гражданскому управлению должен был сопровождаться передачей всей власти к бюрократии во главе с Канцлером²⁷.

Определеннее в проекте П.Н. Крупенского выражено отношение к парламентаризму: «Следует предполагать однопалатную систему... Важность однопалатной системы вызывается малым количеством лиц, способных к государственному мышлению...»²⁸

Как бывший депутат Государственной думы, П.Н. Крупенский стремился учесть негативный, по его мнению, опыт парламентской работы, стремясь не допустить чрезмерно затяжных сессий и ограничить гласность заседаний: «Всероссийский Съезд Земских Советов созывается в полном составе на 1–2 месяца осенью. Заседания не публичные»²⁹. Сильным местом проекта можно считать четкое и ясное определение принципов нового избирательного законодательства: «Правом активного участия во всех выборах пользуются лишь лица, достигшие 30-летнего возраста, проживающие в месте избрания не менее трех лет и неопороченных по суду»³⁰. Система местного самоуправления приближалась к традиционной для России земско-волостной при сохранении института земских начальников времен императора Александра III: «Начальной выборной ячейкой является Волостной сход... Сход избирает Волостной Земский Совет... Волостной Земский Совет собирается Уездным Начальником...»³¹.

Согласно проекту, в решении национального вопроса фактически сохранялся дореволюционный принцип унитарного государства, но при этом существенно повышалась роль правительства, перед которым были бы ответственны представители власти на

местах: «Для управления Россия разделяется на Области, управляемые Генерал-губернаторами и Наместниками, подчиненными Совету Министров»³².

Проекты А.Г. Тимрота и П.Н. Крупенского показали пределы реформаторства, на которые готовы были пойти представители бывшей правящей элиты Российской империи.

Тезис о «Советской монархии» был внесен и в основной программный документ движения 1926 г. – «Что нужно знать в Советской России о восстановлении законной монархии», автором которого стал докладчик по делам региональных представительств легитимистов при Канцелярии Е.И.В. граф В.А. Бобринский (депутат II–IV Государственных дум, входил во фракции октябристов, «умеренно правых» и националистов, руководитель фракции прогрессивных националистов, координатор оппозиционного Прогрессивного блока в 1915–1917 гг., с ноября 1916 г. – товарищ Председателя IV Государственной думы. В 1918 г. в Киеве возглавлял монархическую организацию «Наша Родина»).

На повестку дня ставился вопрос о новых несоциалистических подходах к пониманию роли Советов при реставрации монархии в России. Из Советов, по мнению теоретиков легитимизма, необходимо было изгнать дух узкой партийности, предполагалось «участие в советах беспартийных местных деятелей, представителей профессиональных организаций и специалистов... Советы сельские, волостные, уездные, губернские и областные или национальные, увенчанные периодически созываемыми Всероссийскими съездами Советов...»³³.

Руководители Канцелярии Е.И.В. пытались заверить крестьянство России, что признают произошедшие земельно-имущественные изменения в деревне: «Частновладельческая земля, коей завладели крестьяне во время революции, не будет у них отнята. Помещикам могут быть возвращены лишь усадебные участки. Никакого выкупа за землю с крестьян потребовано не будет...»³⁴. Однако определенные компенсации бывшим помещикам все же предусматривались: «Нетрудоспособным элементам помещичьего класса... должны быть выплачиваемы пожизненно небольшие пенсии... Средства на эти выдачи должны получаться от обложения других владельцев недвижимостей»³⁵.

Следует признать, что аграрный проект легитимистского движения выглядел самым либеральным в сравнении с проектами других монархических организаций в эмиграции.

В сфере имущественных отношений в промышленном секторе предполагалось восстановление прав частной собственности

прежних владельцев: «Промышленные и торговые предприятия должны быть возвращены их прежним владельцам...»³⁶. Однако в российской экономике выделялись отрасли, которые не подлежали денационализации, предполагался усиленный контроль над частным финансовым капиталом: «Эта мера не может коснуться в полной мере... рудников, крупных лесных хозяйств, нефтяных источников и сахарных заводов. Разрешения на открытие частных банков должны быть выдаваемы с большой осторожностью»³⁷.

С начала XX в. монархисты обращали внимание на недопустимость манипуляции в частных интересах общественным сознанием через средства массовой информации, поэтому не случайно в проекте 1926 г. была предусмотрена «национализация кинематографического дела»³⁸.

В сфере рабочего законодательства легитимистское движение следовало общеевропейской практике: «Восьмичасовой рабочий день... развитие профессионального движения, все отрасли которого получают постоянное и широкое представительство в советах»³⁹.

Представители легитимистского движения учитывали агитационный эффект от социальных реформ, которые были проведены в СССР. В ответ обещания социальных благ у легитимистов сыпались как из рога изобилия: «Широкое народное просвещение... Обеспечение крестьянства с. х. инвентарем и скотом... Уменьшение косвенного налогообложения и налогов на мелкие ремесла и промыслы... Удешевление железнодорожных и почтовых тарифов... Бесплатная медицинская помощь всем, страдающим тяжелыми болезнями, приобретенными из-за владычества коммунистов»⁴⁰.

Подходы в области национальной политики не отличались оригинальностью: «Российская Империя будет построена на принципе широкого областного самоуправления»⁴¹.

Неожиданно широкий для монархистов жест был сделан в отношении ряда лимитрофных государств, судьбами которых были озабочены европейские политики: «Император Кирилл Владимирович признает как свершившийся факт образование целого ряда государств на бывшей Российской территории – Финляндия, Эстония, Латвия, Литва и Польша...»⁴². Однако для остальных народов предлагалась рудиментарная имперская формула: «Православный Царь для русского народа, Белый Царь – для остальных племен...»⁴³.

Легитимисты не торопились «расставаться» и с Украиной: «Если все эмигранты враждебны идее независимой Украины, то это лишь доказывает, как микроскопически мала за границей та

часть беженцев с юга России или Украины, которая стоит за полную самостоятельность»⁴⁴.

К концу 1920-х годов на первый план в движении легитимистов выходит организация младороссов. Они уверенно потеснили поколение «отцов» эмиграции, тем не менее наследие старшего поколения стало фундаментом в идеологической области.

Примечания

- ¹ Воспоминания великого князя Александра Михайловича. М., 2001. С. 417.
- ² ГА РФ. Ф. 5763. Оп. 1. Д. 11. Л. 200.
- ³ *Любимов Л.Д.* На чужбине. Ташкент, 1965. С. 138–139.
- ⁴ ГА РФ Ф. 5763. Оп. 1. Д. 5. Л. 173.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. Л. 173об.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. Л. 174.
- ¹¹ *Думин С.В.* Романовы: Императорский Дом в изгнании: Семейная хроника. М., 1998. С. 152.
- ¹² ГА РФ. Ф. 5763. Оп. 1. Д. 3. Л. 275об.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. Л. 276.
- ¹⁵ Там же. Л. 275об.–276.
- ¹⁶ Там же. Л. 275об.
- ¹⁷ Там же. Л. 276.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. Л. 276об.
- ²¹ Там же. Л. 276.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. Л. 276об.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. Д. 5. Л. 212.
- ²⁶ Там же. Л. 212об.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. Л. 213.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.

- 32 Там же. Л. 212об.
- 33 Там же. Л. 178.
- 34 Там же.
- 35 Там же.
- 36 Там же. Л. 179.
- 37 Там же.
- 38 Там же.
- 39 Там же. Л. 178.
- 40 Там же.
- 41 Там же.
- 42 Там же. Л. 192.
- 43 Там же. Л. 182.
- 44 Там же. Л. 217.